

ности рождается и грандиозная перспектива революции, которая преобразует весь мир.

Более определенно выраженную программную позицию в защиту реализма мы находим в статьях и выступлениях некоторых советских критиков и писателей в двадцатые годы. Но своим содержанием и эта позиция тяготеет к тому же непризнанию романтизма с эстетической точки зрения, что, однако, выражается, конечно, в иных терминах, подсказанных новыми обстоятельствами. Создается также впечатление, что соответствующие призывы нашли свое наиболее полное выражение в работах Луначарского, в том, как он неоднократно подчеркивал неизбежность, с которой советская литература направляется к тому, что он называл «социальным реализмом». «Общей чертой литературы третьего, текущего периода — говорил выдающийся критик в 1927 г. — является окончательный поворот к социальному реализму»¹. Конкретные условия, в которых свершился этот «поворот», нам представляются особенно красноречивыми в виду разрешения проблемы, являющейся объектом нашего исследования. В общих чертах три этапа, на которые ссылается Луначарский, могут быть разграничены следующим образом: 1) годы гражданской войны, когда литературное творчество находилось еще под господствующим давлением событий, и когда ему — за редкими исключениями — не удавалось приспособить свое дыхание к той головокружительной высоте, куда его тянули события; 2) годы, в которые делается все более чувствительным, с одной стороны, вклад так называемых писателей «попутчиков», смотрящих на события «со стороны», а с другой — постепенное проникновение в литературную жизнь «новых сил»; не лишено интереса, что в общем этап этот совпадает с НЭП-ом; 3) этап, в котором социальная проза, создающаяся под усиливающимся воздействием коммунистической идеологии, начинает выходить на первый план. Но возможна и другая характеристика этапов, более тесно связанная с эстетическим отношением к развивающимся событиям.

В годы гражданской войны господствует то, что можно было бы условно назвать «утверждающей позицией» литературой. Само собой разумеется, что «позиции» были чрезвычайно различные, но эстетическая оценка революционных событий, или, вернее — субъективная оценка таковых соответственно с эстетической позицией художника становится ведущей темой. А в ее рамках выявляется, главным образом, ощущение грандиозности, неумолимости исторических событий, неповторимого случая, подаренного художнику, — быть свидетелем рождения новой эпохи. Много уже было сказано о космизме и абстрактизме поэзии тех лет. Сегодня, надеемся, никто уже не будет отрицать, что эта, столь обобщенная, направленность диктовалась самой природой жизненного материала, художественно перевоплощаемого писателями. Должны были быть найдены поэтический язык, образы, формы выражения, достойные тех, еще неизведанных в истории масштабов скорости, с которой совершался натиск истории. Не подлежит сомнению, что иконоборческое отрицание старых форм, страстное желание динамизировать всю установившуюся тради-

¹ А. В. Луначарский, *Этапы роста советской литературы*, доклад на Международной конференции пролетарских писателей (Москва, 15–16 ноября 1927 г.), в *Собрании сочинений* в восьми томах, т. II, Москва, 1964, стр. 366.